

Лев Николаевич Толстой

**Предисловье к статье
Эдуарда Карпентера
'Современная наука'**

**Толстой Лев Николаевич
Предисловье к статье
Эдуарда Карпентера
'Современная наука'**

Толстой Лев Николаевич

Предисловье к статье Эдуарда Карпентера "Современная наука"

Я думаю, что предлагаемая статья Карпентера о современной науке может быть особенно полезна в нашем русском обществе, в котором более чем в каком-либо другом европейском обществе распространено и укоренилось суеверие, по которому считается, что для блага человечества совсем не нужно распространение истинных религиозных и нравственных знаний, а нужно только изучение опытных наук, и что знание этих наук удовлетворяет всем духовным запросам человечества.

Понятно, какое зловерное влияние (совершенно такое же, какое имеют религиозные суеверия) должно иметь на нравственную жизнь людей такое грубое суеверие. И потому распространение мыслей писателей, критически относящихся к опытной науке и ее методу, особенно желательно для нашего общества.

Карпентер доказывает, что ни астрономия, ни физика, ни химия, ни биология, ни социо-

логия не дают нам истинного знания действительности, что все законы, открываемые этими науками, суть только обобщения, имеющие приблизительное, - и то только при незнании или игнорировании других условий,- значение законов, и что даже и законы эти кажутся нам законами только потому, что мы открываем их в той области, которая так удалена от нас по времени или пространству, что мы не можем видеть несоответствия этих законов с действительностью.

Кроме того, Карпентер указывает и на то, что метод науки, состоящий в объяснении близких нам и важных для нас явлений более отдаленными и безразличными для нас явлениями, есть метод ложный, никогда не могущий привести к желаемым результатам.

"Каждая наука,-говорит он,-объясняет явления, ею исследованные, по возможности, понятиями низшего порядка. Так, этика сведена на вопросы полезности и унаследованных привычек; из политической экономии изъяты все понятия о справедливости между людьми: о сострадании, о привязанности, о стремлениях к солидарности, и она основана

на принципе самого низшего порядка, какой только можно было в ней найти, а именно: на принципе личного интереса. Из биологии исключено значение личности, как в растениях и животных, так и в людях; вопрос о сознании личности здесь устранен и сделана попытка свести вопросы биологии к взаимодействию клеток и к химическому сродству - к протоплазме и к явлениям осмоса. Затем химическое сродство и все удивительные явления физики сведены к движениям атомов, а движения атомов, так же как и движения небесных тел, сведены к законам механики".

Предполагается, что сведение вопросов высшего порядка к вопросам низшего разъяснит вопросы высшего порядка. Но разъяснение это никогда не получается, и делается только то, что, спускаясь в своих исследованиях всё ниже и ниже от самых существенных вопросов к менее существенным, наука приходит, наконец, к области совершенно чуждой человеку, только соприкасающейся с ним, и на этой-то области и останавливает свое внимание, оставляя все самые важные для человека вопросы без всякого разреше-

ния.

Происходит нечто подобное тому, что сделал бы человек, который, желая понять значение находящегося передним предмета, вместо того чтобы ближе подойти к нему и со всех сторон осмотреть и ощупать его, стал бы всё более и более удаляться от предмета и, наконец, удалился бы на такое расстояние, при котором уничтожились бы все особенности цвета, неровности рельефа и остались бы одни черты, отделяющие предмет от горизонта. И тут-то человек этот стал бы с подробностью описывать этот предмет, полагая, что теперь-то он и имеет ясное понятие о нем и что это, на таком расстоянии составленное понятие будет содействовать полному пониманию предмета. Вот этот-то самообман и разоблачается отчасти критицизмом Карпентера, показывающим, во-первых, то, что знания, какие нам дает наука в области естественных наук, суть только удобные приемы обобщения, но никак не изображение действительности, а во-вторых, то, что тот метод науки, при котором явления высшего порядка сводятся к явлениям низшего, никогда не приведет нас к

объяснению явлений высшего порядка.

Но и не предрешая вопроса о том, приведет или не приведет опытная наука когда-либо своим методом к решению важнейших для человека задач жизни, самая деятельность опытной науки по отношению к вечным и самым законным требованиям человечества поражает своей неправильностью,

Людям надо жить. А для того, чтобы жить, им надо знать, как жить. И все люди всегда - плохо ли, хорошо ли - узнавали это и, соответственно с этим знанием, жили, двигались вперед, и это знание того, как должно жить людям, со времен Моисея, Солона, Конфуция считалось всегда наукой, самой наукой наук. И только в наше время стало считаться, что наука о том, как жить, есть вовсе не наука, а что настоящая наука есть только наука опытная, начинающаяся математикой и кончающаяся социологией.

И выходит странное недоразумение.

Простой и разумный рабочий человек по-старому, да кроме того и по здравому смыслу предполагает, что если есть люди, которые всю жизнь учатся и за то, что он их кормит и

содержит, думают за него, то, вероятно, люди эти заняты тем, чтобы изучать то, что нужно людям, и он ждет от науки, что она разрешит для него те вопросы, от которых зависит благо его и всех людей. Ожидает он, что наука научит его, как надо жить, как обходиться с семейными, как с ближними, как с иноплеменниками, как бороться с своими страстями, во что надо, во что не надо верить и многое другое. И что же ему говорит на все эти вопросы наша наука?

Она с торжеством объявляет ему, сколько миллионов миль от солнца до земли, сколько миллионов колебаний эфира в секунду для света и сколько колебаний воздуха для звука; рассказывает о химическом составе млечного пути, новом элементе - гелии, о микроорганизмах и их испражнениях, о тех точках руки, в которых сосредоточивается электричество, об икс-лучах и тому подобном.

- Но мне этого ничего не нужно, - говорит простой разумный человек, мне нужно знать, как жить.

- Мало ли что тебе нужно знать, - отвечает на это наука. - То, о чем ты спрашиваешь, от-

носится к социологии. Прежде же, чем отвечать на вопросы социологические, мы должны еще разрешить вопросы зоологические, ботанические, физиологические, вообще биологические; для разрешения же этих вопросов нужно прежде еще разрешить вопросы физические, потом химические, нужно еще согласиться, какой формы бесконечно малые атомы и каким образом невесомый и неупругий эфир передает движение.

И люди, преимущественно те, которые сидят на шее других и которым поэтому удобно ожидать, удовлетворяются такими ответами и сидят, хлопая глазами, ожидая обещанного; но простой и разумный рабочий человек, тот, на чьей шее сидят люди, занимающиеся наукой, вся огромная масса людей, все человечество, не может удовлетвориться такими ответами и, естественно, с недоумением спрашивает: - Да когда же это будет? Нам ждть некогда. Вы сами говорите, что всё это вы узнаете через несколько поколений. А мы живем теперь: сегодня живи, а завтра умрем, и потому нам надо знать, как нам прожить ту жизнь, в которой мы теперь. Научите же нас.

- Глупый и необразованный человек, - отвечает на это наука, - он не понимает того, что наука служит не пользе, а науке. Наука изучает то, что подлежит изучению, и не может избирать предметов для изучения. Наука изучает всё. Таково свойство науки.

И люди науки действительно уверены, что свойство заниматься пустяками, пренебрегая более существенным и важным, не их свойство, а свойство науки; но простой разумный человек начинает подозревать, что свойство это принадлежит не науке, но людям, склонным заниматься пустяками, придавая этим пустякам важное значение.

Наука изучает всё, говорят люди науки. Но ведь всего слишком много. Всё - это бесконечное количество предметов, нельзя сразу изучать всё. Как фонарь не может освещать всего и освещает только то место, на которое он направлен, так и наука не может изучать всего, а неизбежно изучает только то, на что направлено ее внимание. И как фонарь освещает сильнее всего ближайшее от него место и всё слабее и слабее предметы, более и более отдаленные от него, и вовсе не освещает те,

до которых не доходит ого свет, так и наука человеческая, какая бы она ни была, всегда изучала и изучает самым подробным образом то, что изучающим людям представляется самым важным, менее подробно изучает то, что представляется им менее важным, и совсем не изучает всего остального бесконечного количества предметов.

Определяло же и определяет для людей то, что очень важно, что менее важно и что совсем не важно, общее понимание людьми смысла и цели жизни, т. е. религия.

Люди же науки нашего времени, не признавая никакой религии и потому не имея никакого основания, но которому они могли бы отбирать, по степени их важности, предметы изучения и отделять их от предметов менее важных и, наконец, от того бесконечного количества предметов, которые всегда останутся, по ограниченности человеческого ума и по бесконечности количества этих предметов, неизучаемыми, составили себе теорию "наука для науки", по которой наука изучает не то, что нужно людям, а всё.

И действительно, опытная наука изучает

всё, но не в смысле совокупности всех предметов, а в смысле беспорядочности, хаоса в распределении изучаемых предметов, т. е. что наука изучает не то преимущественно, что более нужно людям, и менее то, что менее нужно, и совсем не изучает того, что совсем не нужно, а изучает всё, что попало. Хотя и существует контовская и другие классификации наук, классификации эти не руководят выбором предметов изучения; выбором же руководят слабости человеческие, свойственные, как и всем, и людям науки. Так что в действительности люди опытной науки изучают не всё, как они воображают и утверждают, а то, что более выгодно и легко изучать. Более же выгодно изучать то, что может содействовать благосостоянию тех высших классов, к которым принадлежат люди, занимающиеся наукой; более же легко изучать всё не живое. Так и поступают люди опытной науки: они изучают книги, памятники, мертвые тела; и это-то изучение и считают самой настоящей наукой.

Так что самой настоящей "наукой", единственной, как "библией" называлась един-

ственная книга, достойная этого имени, в наше время считаются не исследования о том, каким образом сделать жизнь людей более доброй и счастливой, а собирание и списывание из многих книг в одну всего того, что писано было прежними людьми об известном предмете, или переливание жидкостей из скляночки в скляночку, искусное расщепление микроскопических препаратов, культивирование бактерий, резание лягушек и собак, исследование икс-лучей, химического состава звезд и т. п.

Все же те науки, которые имеют целью сделать жизнь человеческую более доброй и счастливой: науки религиозные, нравственные, общественные, считаются царствующей наукой не науками и предоставлены богословам, философам, юристам, историкам, политико-экономам, которые заняты только тем, чтобы под видом научных исследований доказывать, что существующий строй жизни, выгодами которого они пользуются, есть тот самый, который должен существовать, и потому не только не должен быть изменен, но должен быть всеми силами поддерживаем.

Не говоря уже о богословии, философии и юриспруденции, поразительна в этом отношении самая модная из этого рода наук - политическая экономия. Политическая экономия, наиболее распространенная (Маркс), признавая существующий строй жизни таким, каким он должен быть, не только не требует от людей перемены этого строя, т. е. не указывает им на то, как они должны жить, чтобы их положение улучшилось, но, напротив, требует продолжения жестокости существующего порядка для того, чтобы совершились те более чем сомнительные предсказания о том, что должно случиться, если люди будут продолжать жить так же дурно, как они живут теперь.

И как это всегда бывает, чем ниже спускается деятельность человеческая, чем больше она отдаляется от того, чем она должна быть, тем больше растет ее самоуверенность. Это самое случилось и с наукой нашего времени. Истинная наука никогда не бывала оцениваема современниками, но, напротив, большею частью была гонима. Оно и не могло быть иначе. Истинная наука указывает людям их за-

блуждения и новые, непривычные пути жизни. И то и другое неприятно властвующей части общества. Теперешняя же наука не только не противоречит вкусам и требованиям властвующей части общества, но совершенно соответствует им: удовлетворяет праздной любознательности, удивляет людей и обещает им увеличение наслаждений. И потому, между тем как всё истинно великое - тихо, скромно, незаметно, наука нашего времени не знает пределов самовосхваления.

- Все прежние методы были ошибочны, и потому все то, что прежде считалось наукой, есть обман, заблуждения, пустяки; единственный наш метод истинный, и единственная истинная наука есть только наша. Успехи нашей науки таковы, что тысячелетия не сделали того, что мы сделали в последнее столетие. В будущем же, идя по тому же пути, наука наша разрешит все вопросы и осчастливит всё человечество. Наша наука есть самая важная деятельность в мире, и мы, люди науки - самые важные, нужные люди в мире.

Так думают и говорят люди науки нашего времени, а между тем ни в какое время и ни в

каком народе наука, вся наука во всем ее значении, не стояла на такой низкой степени, на какой стоит теперешняя. Одна часть ее, та, которая должна бы изучать то, что делает жизнь человеческую доброй и счастливой, занята оправдыванием существующего дурного строя жизни, другая же занимается разрешением вопросов праздного любопытства.

- Как праздного любопытства? - слышу я негодующие на такое кощунство голоса. - А пар, а электричество, а телефоны и все усовершенствования техники? Не говоря уже о научном их значении, посмотрите, какие они принесли практические результаты. Человек победил природу, подчинил себе ее силы и т. п.

- Но ведь все практические результаты победы над природой до сих пор и уже довольно давно - прилагаются только к губительным для народа фабрикам, к орудиям истребления людей, к увеличению роскоши, разврата, - отвечает простой и разумный человек, - и потому победа человека над природой не только не увеличила благо людей, но, напротив, ухудшила их положение.

Если устройство общества дурное, такое, как наше, где малое число людей властвует над большинством и угнетает его, всякая победа над природой неизбежно послужит только к увеличению этой власти и этого угнетения. Так оно и совершается.

При науке, полагающей свой предмет не в изучении того, как должны жить люди, а в изучении того, что есть, и потому преимущественно занятой исследованием мертвых тел и оставляющей устройство человеческого общества таким, какое оно есть, никакие усовершенствования, никакие победы над природой не могут улучшить положение людей.

- А медицина? Вы забываете благодетельные успехи медицины? А прививки бактерий? А теперешние операции?- восклицают, как обыкновенно, защитники науки в последней инстанции, с доказательство плодотворности всей науки выставив успехи медицины.

- Мы можем прививкой предохранять от болезней и излечивать, можем безболезненно делать операции - разрезать внутренности, очищать их, можем вправлять горбы, -

говорят обыкновенно защитники науки, почему-то полагая, что вылеченное от дифтерита одно дитя из тысячи тех детей, которые без дифтерита нормально мрут в России в количестве 50% и в количестве 80% в воспитательных домах, должно убедить людей в благотворности науки вообще.

Строй нашей жизни таков, что не только дети, но большинство людей от дурной пищи, непосильной вредной работы, дурных жилищ, одежды, от нужды не доживают половины тех лет, которые они должны бы жить; строй жизни таков, что детские болезни, сифилис, чахотка, алкоголизм захватывают всё больше и больше людей, что большая доля трудов людей отбирается от них на приготовление к войне, что каждые десять-двадцать лет миллионы людей истребляются войною. И всё это происходит оттого, что наука, вместо того чтобы распространять между людьми правильные религиозные, нравственные и общественные понятия, вследствие которых сами собой уничтожились бы все эти бедствия, занимается, с одной стороны, оправданием существующего порядка, с

другой - игрушками; и нам в доказательство плодотворности науки указывают на то, что она исцеляет одну тысячную тех больных, которые и заболевают-то только оттого, что наука не исполняет свойственного ей дела.

Да если бы хоть малую долю тех усилий, того внимания и труда, которые кладет наука на те пустяки, какими она занимается, она направила бы на установление среди людей правильных религиозных, нравственных, общественных, даже гигиенических понятий, не было бы сотой доли тех дифтеритов, маточных болезней, горбов, исцелением которых так гордится наука, производя эти исцеления в своих клиниках, роскошь устройства которых не может быть распространена на всех.

Ведь это всё равно, как если бы люди, дурно вспахавшие, дурно посеявшие дурными семенами пашню, стали бы ходить по этой пашне и залечивать поломанные в хлебе колосья, которые выросли около больных, при этом затаптывая остальные, и это свое искусство в вылечивании больных колосьев выставляли бы в доказательство своего знания

земледелия.

Наша наука, для того чтобы сделаться наукой и действительно быть полезной, а не вредной человечеству, должна прежде всего отречься от своего опытного метода, по которому она считает своим делом только изучение того, что есть, а вернуться к тому единственному разумному и плодотворному пониманию науки, по которому предмет ее есть изучение того, как должны жить люди. В этом цель и смысл науки; изучение же того, что есть, может быть предметом науки только в той мере, в которой это изучение содействует познанию того, как должны жить люди.

Вот это-то признание несостоятельности опытной науки и необходимости усвоения другого метода и показывает предлагаемая статья Карпентера.

Л. Толстой.